

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ

Владимир Дмитриевич НЕЧАЕВ

доктор политических наук, доцент, вице-президент Российской ассоциации политической науки, ректор Севастопольский государственный университет, 299053, Университетская ул., д. 33, Севастополь, Российская Федерация
E-mail: vdnechaev@sevsu.ru
ORCID: 0000-0003-0429-4299

Сергей Юрьевич БЕЛОКОНЕВ

кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Ленинградский проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru
ORCID: 0000-0002-8028-7421

ЦИТИРОВАНИЕ: Нечаев В.Д., Белоконев С.Ю. (2020) Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 112–133. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Статья поступила в редакцию 30.11.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-011-31545 опн: «Новые модели взаимодействия власти и промышленного сообщества в условиях возрастания рисков технологического развития под воздействием международных санкций».

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена теоретическому анализу возможных последствий цифровой трансформации современных обществ. Авторы осуществляют сравнительный анализ трех политико-экономических моделей цифровой трансформации: когнитивного капитализма, экономики совместно производства и потребления (P2P-экономики) и цифрового тоталитаризма.*

Делается вывод, что данные теоретические модели отражают противоречивые тенденции развития общества на стадии цифровой трансформации. Авторы высказывают предположение, что в реальности возникнет широкий спектр смешанных политико-экономических моделей цифрового общества, каждая из которых будет включать в себя ту или иную комбинацию проанализированных

идеальных типов. Реализация той или иной модели будет зависеть от группы факторов, включающих национальную структуру экономики, систему международных отношений, территориальную структуру урбанизации и способность (политическую, экономическую и технологическую) того или иного национального государства сохранять свой суверенитет в цифровом мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровая экономика, глобальные тренды политического развития, когнитивный капитализм, экономика совместного производства, цифровой тоталитаризм, цифровой колониализм, цифровой суверенитет*

Цифровая трансформация экономики становится сегодня одним из ключевых трендов национальной экономической политики многих развитых государств мира. В 2015 г. Европейский Союз принимает свою Стратегию единого цифрового рынка (Digital Single Market Strategy).

В 2017 г. Россия приняла два важнейших стратегических документа: Стратегию развития информационного общества и Программу «Цифровая экономика Российской Федерации», – описывающих ключевые цели, задачи и направления цифровой трансформации российской экономики.

Указанные документы фиксируют отставание России в области развития цифровой экономики (41–43-е место в международных рейтингах со значительным отставанием от лидеров – Швейцарии, Сингапура, Соединенных Штатов Америки, Нидерландов, Германии, Швеции, Великобритании, Японии, Гонконга, Финляндии, Китая и др.) и формулируют государственную политику по преодолению данного разрыва [Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» 2017]. Ставка на ускоренную цифровизацию экономи-

ки одновременно ставит в качестве актуальной задачи анализ возможных последствий такого рода трансформации.

Дискуссия о возможных эффектах цифровой трансформации экономики приобретает сегодня широкий общественный и научный характер. При этом в центре внимания чаще оказываются собственного экономического (например, рост производительности труда) или социальные (например, воздействие цифровизации на занятость) аспекты, в то время как политические эффекты цифровой трансформации экономики пока не стали предметом столь же интенсивного академического обсуждения.

Целью данной статьи является выявление возможных областей политических эффектов цифровизации экономики на основе сравнительного анализа трех политико-экономических моделей, используемых для комплексного осмысления феноменов цифровой экономики и цифрового общества: модели когнитивного капитализма (cognitive-cultural economy), модели экономики совместного производства и потребления (shared economy) и модели цифрового тоталитаризма (digital totalitarianism). Для моделирования политических эффектов цифровой трансформации экономики в аспекте изменений в системе международных отношений будут также привлечены взаимосвязанные концепции цифрового колониализма (digital colonialism) и цифрового суверенитета (digital sovereignty).

Понятие «цифровая экономика» и моделирование областей возможных политических эффектов

Прежде чем перейти к анализу упомянутых ранее политико-экономических моделей, уточним само понятие «цифровая экономика» («электрон-

ная экономика», «виртуальная экономика», «интернет-экономика», «веб-экономика»).

Возникновение концепции цифровой экономики часто связывают с именем Н. Негропonte, который еще в 1990-е гг. сформулировал ключевые принципы новой модели экономики, основанной на производстве цифровых товаров и услуг [Negroponte 1999]. В отличие от традиционной экономики, связанной так или иначе с физическим обменом товарами и услугами, цифровая экономика характеризуется виртуальностью – информационным обменом, осуществляемым с использованием электронных средств передачи и переработки информации. Товары и услуги в цифровой экономике не обладают традиционными физическими параметрами, например, физическим размером и весом, не требуют сырья для своего производства, могут быть многократно реплицированы, способны к почти мгновенному перемещению.

В докладе, подготовленном для Организации экономического сотрудничества и развития в 2015 г., отмечается, что «...цифровая экономика в настоящее время пронизывает бесчисленные аспекты мировой экономики, влияя на различные сектора, такие как банковское дело, розничная торговля, энергетика, транспорт, образование, издательское дело, средства массовой информации или здравоохранение. Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) трансформируют способы социального взаимодействия и личных отношений на основе интеграции различных систем телекоммуникации, а устройства и объекты все чаще связываются друг с другом в формате интернет-вещей» [OECD Digital Economy Outlook 2015, p. 11]. В этот же перечень можно было бы до-

бавить изменения, происходящие в мировой экономике в результате появления систем управления на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта, возникновения феномена крипто-валют и т. д. По сути, речь идет о том, чтобы включить в понятие цифровой экономики всю область трансформации мировой экономики под воздействием развития цифровых технологий.

Исследователи выделяют три этапа формирования цифровой экономики:

1. 1980-е – середина 1990-х гг. Появление материальной базы цифровой экономики (Интернет, глобальные цифровые телекоммуникационные системы и сети).
2. Середина 1990-х – начало 2000-х гг. Появление первых субъектов цифровой экономики (интернет-магазины, интернет-банкинг и др.).
3. Начало 2000-х гг. – наст. время. Широкомасштабное появление виртуальных товаров и электронных денежных средств. Начало отделения виртуальной экономики от реальной [Матвеев 2012].

На основе новых технологий (цифровые двойники, большие данные, нейросети, искусственный интеллект) в настоящее время происходит переход к следующему этапу развития цифровой экономики, связанному с комплексным цифровым управлением экономическими процессами.

Возможные политические эффекты цифровой экономики условно можно разделить на две большие группы: прямые и косвенные. Первые включают в себя эффекты, которые непосредственно связаны с цифровизацией политической системы общества либо системы международных отношений. Вторые – эффекты, связанные с опосредованным воздействием на политическую сферу жизни отдельного обще-

ства или глобальную политику в результате трансформации всей системы экономических и социальных отношений под воздействием цифровых технологий.

Первая группа эффектов уже стала предметом пристального анализа политологов в рамках изучения таких новых политических феноменов, как электронное правительство (см., например: [West 2005; Lee, Chang, Berry 2011; Criado, Sandoval-Almazan, Gil-Garcia 2013; Janowski 2015; Kamolov 2017; Pereira, Parycek, Falco, Kleinhans 2018; Ismagilova, Hughes, Dwivedi, Raman 2019]), электронная демократия (см. например: [Коулман 2018; Hindman 2008; Turner 2010; Lee, Chang, Berry 2011; Loader, Mercea 2011; Kim, Lee 2012; Keane 2013; Fung 2015; Gilman 2016]), цифровая юстиция [Coglianese, Lehr 2017; Taylor 2017], цифровые средства организации политического участия, в т. ч. в форме политических движений и протеста [Bennett 2012; Youmans, York 2012; Wolfson 2014; Hanna, Vanclay, Langdon, Arts 2016], использование новых медиа в международных конфликтах [Манойло 2008] и др.

Вторая группа является менее исследованной в силу своего комплексного характера. Тем не менее упомянутые выше теоретические модели пытаются моделировать и прогнозировать именно вторую группу эффектов.

Это эффекты, связанные с возникновением новых или исчезновением старых политических субъектов, перераспределением возможностей влияния между политическими субъектами, трансформацией источников и механизмов власти и влияния в цифровом обществе, потенциала политического участия различных групп и классов в осуществлении политического процесса, роли институтов государства и трансформации системы международных отношений в контек-

сте формирования цифровой экономики и др.

В рамках данной статьи будут рассмотрены три политико-экономические модели влияния цифровой экономики на политическую сферу современных обществ: теория когнитивного капитализма, модель экономики совместного производства и потребления и модель цифрового тоталитаризма, которые фиксируют, как представляется, альтернативные и в то же время дополняющие друг друга теоретические перспективы анализа изучаемого феномена. Для анализа воздействия цифровой трансформации экономики на систему международных отношений мы также обратимся к концепциям цифрового колониализма и цифрового суверенитета.

Теория когнитивного капитализма

Одна из наиболее динамично развивающихся сегодня политико-экономических моделей, в рамках которых осуществляется комплексное осмысление феномена цифровой экономики, – теория когнитивного капитализма (cognitive-cultural economy theory).

Когнитивный капитализм (часто его отождествляют также с экономикой знаний), определяется Б. Польре, предложившим этот термин, как «общество знаний, управляемое и организованное по капиталистическим принципам» [Польре 2008, с. 66]. Когнитивный капитализм рассматривается последователями данной теории как третья фаза развития капиталистической экономики после рыночной экономики меркантилизма (эпоха первоначального накопления капитала и мануфактурного производства) и индустриальной экономики [Mahmoudi, Leven-da 2016]. Фундаментальной характери-

стикой когнитивного капитализма является превращение знания в ключевой фактор экономического развития, основанного на принципах рыночной экономики [Горц 2007]. Нематериальные активы, такие как права интеллектуальной собственности, бренд, данные о потребителе и др., становятся важнейшими факторами капитализации компаний и их рыночного успеха. Знания также становятся объектом целенаправленного производства в рамках функционирования рыночной экономики.

Важнейшими предпосылками перехода к новой фазе капитализма стали:

Увеличение в конце XX – начале XXI вв. объема инвестиций в знания и креативные решения (науку, инновации, образование, управление, маркетинг, брендинг, рекламу и т. д.).

Резкое снижение издержек на передачу и приобретение знаний в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и созданием глобальной инфраструктуры цифровой экономики [Cowan, David, Foray 2000].

Глобализация рынков с одновременной их «нишелизацией».

Неолиберальная модель экономики, принятая в качестве идеологической и институциональной основы наиболее экономически развитыми странами мира [Klusterman 2010].

Цифровая экономика в рамках данного подхода, таким образом, рассматривается как один из ключевых факторов формирования новой модели капитализма.

Переход к фазе когнитивного капитализма ведет к целому спектру социальных и политических последствий.

Наиболее очевидное – рост влияния на все сферы жизни общества, в т. ч. на политический процесс транснациональных цифровых компаний, подобных Google и Facebook. Новые ме-

диа по мере роста аудитории и степени вовлеченности современных людей в цифровую экономику становятся главным источником новостей и оценок событий [Nechushtai 2018]. Способность управлять политической повесткой и влияние на процессы распространения информации в обществе делают цифровые мегакорпорации важными игроками современного политического процесса. Кроме того, глобальные цифровые решения и платформы, такие, например, как ГИС-системы, становятся в современном мире способом структурирования политической (в данном примере – геополитической) «картины мира» современных обществ и оказывают тем самым влияние на политическое создание и поведение [Forest 2004].

Второе важное социальное следствие, на которое обращают внимание исследователи процессов формирования когнитивного капитализма, – рост значения мегаполисов в экономике и политике современных обществ. В противовес теории «мировой деревни», которая предсказывала деконцентрацию экономической активности вследствие развития информационно-коммуникационных технологий, сторонники модели когнитивного капитализма показывают неразрывную связь этой стадии развития рыночной экономики с концентрацией человеческого капитала в крупных высокотехнологичных городах, связанных в большей степени между собой, чем с окружающей их в непосредственной физической близости провинцией [Scott 2008]. Высокая концентрация разных форм капитала (финансового, инфраструктурного, человеческого, социального) и большие объемы рынков для продуктов когнитивного капитализма в крупных городах создают идеальные условия для развития когнитивного капитализма [Rabari, Storper 2015].

Цифровая экономика в рамках этой концепции – лишь одна из предпосылок когнитивного капитализма, лучше всего работающая в связке с другой – новым урбанизмом. Коэволюция цифровой экономики, когнитивного капитализма и нового урбанизма приводит к важному политическому следствию – росту значения мегаполисов в мировой политике. В теоретических моделях это связывается с будущим упадком национальных государств в рамках цифровой глобализации, в которой формирование глобальной системы управления происходит в форме международной сети мегаполисов.

Важное следствие развития цифровой экономики, на которое указывают сторонники теории когнитивного капитализма, – новые аспекты социального неравенства. Во-первых, возникает так называемое цифровое неравенство, связанное с разными возможностями членов общества по доступу к цифровым продуктам, услугам и сервисам и, как следствие, разные возможности по успешной реализации своих способностей в рамках цифровой экономики. «Водораздел» здесь происходит не столько по линии «богатые – бедные», сколько по линиям «центр – периферия» (еще один из аспектов связи между цифровой экономикой и новым урбанизмом) и «младшие – старшие». Как показывают эмпирические исследования, неравномерность цифровой инфраструктуры (сосредоточенной преимущественно в крупных городах) превращается в более прочные структуры социально-экономических и политических различий и неравенства [Alizadeh, Farid 2017]. Молодые поколения, прошедшие социализацию в рамках цифровой экономики, обладают гораздо лучшими шансами по сравнению с «аналоговыми поколениями».

Другая форма неравенства в рамках цифровой экономики – это растущий разрыв на рынке труда между «креативным классом» и «белыми воротничками» цифровой экономики, с одной стороны, и массой работников, занимающихся низкоквалифицированным трудом (хорошим примером могут здесь служить таксисты в убер-экономике), с другой. Парадоксальным образом цифровизация, в т. ч. за счет упрощения работы, снижает требования к уровню квалификации значительного числа наемных работников. Относительно низкий уровень оплаты этих рабочих мест создает напряженность на рынке труда, приводит к стагнации на рынке зарплат в традиционных сегментах экономики, формирует спрос на рабочую силу мигрантов [Scott, Peters 2013].

Все эти тенденции, связанные с новой стадией в развитии экономики, порождают целый спектр новых социальных конфликтов, требующих своего разрешения на политическом уровне. Цифровая экономика в контексте развития когнитивного капитализма формирует новую политическую повестку.

Общая политико-экономическая модель влияния цифровой экономики на политическую систему современных обществ в рамках модели когнитивного капитализма может быть кратко сформулирована следующим образом: цифровая экономика наряду с концентрацией человеческого капитала в мегаполисах создает условия для перехода к новой стадии капитализма – «когнитивному капитализму», который постепенно разрушает систему национальных государств, развивая системы глобального управления, с одной стороны, и системы регионального управления (управление крупными городскими агломерациями), с другой. Вместо мира национальных государств возникает мир инте-

грированных в глобальную сеть «ста мегаполисов». Возрастает влияние на политический процесс глобальных цифровых корпораций и новых медиа. Во внутренней политике возрастает роль креативного класса. В то же время в рамках цифровой экономики возникают новые модели социального неравенства, которые начинают оказывать влияние на политическую повестку современных обществ.

Концепция экономики совместного производства и потребления (sharing economy)

Политико-экономическая модель экономики совместного производства и потребления (sharing economy), или P2P-экономики (от англ. peer to peer – равный равному), описывает определенный тип процессов, которые возникают в цифровой экономике в связи с производством и потреблением в рамках цифрового сетевого взаимодействия продуктов и услуг на основе широкой и добровольной кооперации равноправных участников [Hamari, Sjöklint, Ukkonen 2016]. Экономика совместного производства и потребления объединяется вокруг деятельности, осуществляемой с помощью цифровых платформ, которые обеспечивают равноправный доступ к товарам и услугам. Типичными примерами этой экономической модели могут служить Википедия или производство программных продуктов на открытом коде [Bergquist, Jungberg 2001].

Три ключевые характеристики определяют данный тип экономики:

- производство ценностей на основе свободной кооперации участников цифрового производства (эта экономика не основана, таким образом, ни на рыночном принципе, ни на принципах про-

изводства общественных благ государственными структурами);

- управление основано на принципах самоорганизации;
- доступ к произведенному благу является принципиально открытым и обеспечивается коллективно поддерживаемыми и универсальными режимами доступа [Bauwens 2005].

P2P-экономика протекает внутри распределенных сетей, в рамках которых автономные агенты могут свободно определять свое поведение и связываться друг с другом без контроля со стороны операторов сети. Проекты, возникающие в рамках данного типа экономики, характеризуются относительным равенством участников, т. е. они потенциально открыты для все желающих, а способность к кооперации в рамках проекта определяется в процессе самой кооперации. Статус участника определяется на основе его репутации внутри сообщества.

Данный тип экономики также характеризуется горизонтальной информационной симметричностью взаимодействия. Участники кооперации обладают равным доступом к информации друг о друге, что отличает данный тип экономики от когнитивного капитализма и цифрового тоталитаризма, для которых характерна как раз информационная асимметрия между участниками взаимодействия и организаторами взаимодействия (вне зависимости от того, организуется это взаимодействие на рыночных принципах или через механизм иерархии). Участники взаимодействия в обоих случаях обладают лишь знаниями о доступных инструментальных моделях поведения и не обладают широкой информацией о других участниках, которая максимально доступна организаторам взаимодействия.

Формирование экономики совместного производства и потребления имеет в качестве предварительной предпосылки, как и в случае когнитивного капитализма, все то, что можно назвать распределенным капиталом цифровой экономики, – ее технологическую инфраструктуру. Часть этого капитала – прямой результат функционирования модели когнитивного капитализма. В идеологическом плане данная модель, как предполагающая совместное производство и потребление, тесно соотносится с идеологией устойчивого развития и противопоставляет себя неолиберализму как идеологии общества потребления [Martin 2016]. В этом смысле P2P-экономика выступает парадоксальным образом одновременно как часть капиталистической экономики и как ее альтернатива [Richardson 2015]. Она встраивается в модель когнитивного капитализма подобно тому, как экономика общественного сектора в форме некоммерческих организаций встраивается в аналоговый капитализм.

Обобщенная политико-экономическая модель экономики совместного производства и потребления предполагает развитие системы самоуправляемых цифровых общин в рамках глобальной «цифровой деревни». В отличие от общин предшествующего периода, они будут транстерриториальны, т. е. принципиально не привязаны к политическому и административно-территориальному делению современного мира. Это создает предпосылки для формирования систем глобального надгосударственного управления и трансграничных социальных и политических движений, возникающих на базе общих интересов и ценностей. Инфраструктура глобального цифрового хозяйства также будет нуждаться в некоторой глобальной системе его поддержания и обновле-

ния. Такая система в значительной степени может поддерживаться через действие рыночных механизмов, однако будет требовать и определенно-го набора общих правовых и технологических режимов, необходимых для поддержания ее способности обеспечивать взаимодействие в глобальном масштабе.

Взаимодействие внутри P2P-экономики предполагает принципиальное равноправие участников, свободу «входа» и «выхода» из режима совместного производства и потребления, что позволяет предположить, что данный тип экономики продуцирует определенный тип социальности, сочетающий открытость и коммунитарность социальных структур.

Сравнительный анализ P2P-экономики и модели когнитивного капитализма показывает их схожесть в понимании фундаментальных предпосылок цифровой экономики, связанной с функционированием распределенной технологической платформы Интернета и глобальных телекоммуникаций, и в то же время существенное различие в области социальных, политических и институциональных эффектов указанных моделей [Kostakis 2012; Kostakis, Roos, Bauwens 2016].

Развитие экономики совместного производства и потребления создает потенциальный запрос на рост самоуправления групп «цифровых интересов», требование к снижению уровня политического контроля над поведением человека в сети и общую заинтересованность в глобальной сети, а как следствие – в механизмах глобального управления. Однако парадоксальным образом втягивание значительной части населения в этот тип экономики создает предпосылки для роста косвенного контроля, политических манипуляций и социального конформизма [Giraud 2015].

Модель цифрового тоталитаризма (digital totalitarianism)

Модель цифрового тоталитаризма является наиболее интуитивно понятной, но одновременно наименее теоретически проработанной в политологической литературе. В основе ее лежит представление о возможности, которые открывает развитие технологий управления на основе больших данных и искусственного интеллекта, для тотального управления поведением современного человека [Herrera 2015; Seely 2016]. В последние годы данная тема стала предметом оживленных дискуссий на международных политических и научных форумах [34th Annual CHI Conference 2016].

Эти технологии одновременно создают предпосылки и для оптимального цифрового планирования и распределения ресурсов, и для тотального контроля и манипулирования поведением каждого человека, формируя тем самым так называемую власть алгоритмов.

К ключевым признакам формирующейся тоталитарной модели цифрового общества исследователи относят:

- массовое тотальное автоматизированное наблюдение за людьми (их поведением, высказываниями, физическими и ментальными (в перспективе) характеристиками);
- пропаганду и манипуляцию общественным мнением и коллективным политическим поведением посредством цифровых медиа;
- предиктивную полицейскую деятельность (выявление потенциально неблагонадежных и опасных членов общества посредством цифровых технологий);
- «доброжелательную» диктатуру;
- принудительный конформизм;

- социальную инженерию посредством управления цифровыми коммуникациями;
- относительность прав человека;
- неравенство членов общества и др. [Helbing 2018].

Прототипом цифрового тоталитаризма, реализуемым в настоящее время на практике, считается система социального рейтинга, о создании которой заявило правительство КНР. Суть системы – в анализе цифрового следа каждого китайского гражданина и создании управляемой искусственным интеллектом системы доступа к экономическим ресурсам на основе степени соответствия поведения гражданина принятым в китайском обществе правилам. Известная история Э. Сноудена показывает, однако, что элементы цифрового тоталитаризма сегодня становятся все более широкой частью политической практики таких стран, как США, которые традиционно считаются образцом демократии. Цифровой тоталитаризм (или, во всяком случае, его элементы) вполне может сочетаться на практике, как показывает этот пример, с моделью когнитивного капитализма.

Модель цифрового тоталитаризма, в отличие от описанных ранее моделей когнитивного капитализма и экономики совместного производства и потребления, теоретически допускает сохранение за национальными государствами роли ключевых политических акторов современного мира (хотя не исключает и модели глобального цифрового тоталитаризма). Таким образом, система глобального управления на основе данной модели может быть представлена как вполне традиционная система многополярного межгосударственного взаимодействия. При этом вопрос о глобальной инфраструктуре цифровой экономики решается через появление частично связанных друг с дру-

гом национальных или макрорегиональных сегментов Интернета, границы между которыми поддерживаются технологическими продвинутыми государствами.

Подобно когнитивному капитализму, данная модель предполагает асимметрию участников цифровых взаимодействий, а с моделью Р2Р-экономики ее объединяет увеличение объема экономических транзакций, основанных на нерыночных принципах.

Между «цифровой глобализацией» и «цифровым суверенитетом»: модели цифровой экономики и архитектура системы международных отношений

Формирование национальных моделей цифровой экономики находится в тесной взаимосвязи (как прямой, так и обратной) с трансформацией системы международных отношений в цифровую эпоху. В этой связи для понимания логики цифровой трансформации на национальном уровне необходимо учитывать ее глобальный контекст. В научной литературе анализ этого контекста осуществляется в рамках двух взаимосвязанных дискуссий: дискуссии о цифровом колониализме и дискуссии о цифровом суверенитете.

Концепция цифрового колониализма активно развивается в последние годы в работах ученых, работающих в рамках неомарксистской методологии. Ключевой тезис данной концепции заключается в том, что формирование цифровой экономики закрепляет неравенство между «глобальным Севером», ассоциируемом в целом с экономиками развитых стран – местом концентрации мирового капитала, – и «глобальным Югом», ассоциируемым с экономиками развивающихся стран – об-

ластью эксплуатации человеческих и природных ресурсов.

Транснациональные корпорации в рамках этой модели осуществляют контроль над мировой экономикой на уровне архитектуры цифровой экосистемы (включая аппаратные решения, программное обеспечение и систему Интернет). Контролируя цифровую экосистему, высокотехнологичные компании «глобального Севера» косвенно контролируют цифровое поведение в глобальном масштабе, что в свою очередь представляет им власть над политическими, экономическими и культурными сферами жизни. Этот контроль осуществляется во взаимодействии с государственными институтами «глобального Севера» [Kwet 2019; Mann, Daly 2019] и институтами мировой финансовой системы [Jordana 2017]. Неравенство в области больших данных (доступа к ним и способностей к обработке и использованию) также рассматривается сторонниками этого подхода как новый инструмент цифрового колониализма и «капитализма наблюдения» [Thatcher, O'Sullivan, Mahmoudi 2016; Couldry, Mejias 2018; Kwet 2019]. В то же время есть авторы, утверждающие, что развитие цифровой экономики может способствовать преодолению колониальной зависимости через прямое включение граждан из стран «глобального Юга» в систему «глобального умного города» [Datta 2018]. Анализ концепции цифрового колониализма позволяет сделать вывод о ее связи с концепцией когнитивного капитализма. Когнитивный капитализм и цифровой колониализм – это две стороны одной реальности – глобальной цифровой экономики, основанной на капиталистических принципах. Модель когнитивного капитализма описывает ядро этой экономики, а модель цифрового колониализма – ее периферию, или, если быть точнее, отно-

шения ядра и периферии глобальной капиталистической экономики в условиях ее цифровой трансформации.

Спроецированный из экономической в политическую область вопрос об усиливающемся в процессе цифровой трансформации неравенстве между ядром и периферией мировой экономики тесно переплетается с другим вопросом, стоящим в актуальной повестке дня (как политической, так и академической), – вопросом о цифровом (или шире – информационном) суверенитете.

Дискуссия об информационном суверенитете развивается в мировой правовой и политической науке как минимум с 1980-х гг. и за прошедшее время прошла три этапа [Ефремов 2017], в целом совпадающие с этапами становления цифровой экономики. Первый этап (1980–1990-е гг.) был связан с развитием телекоммуникаций и трансграничного информационного обмена в форме теле-, радио- и спутникового вещания. Уже на этом этапе был поставлен коренной вопрос о соотношении прав на свободное распространение и получение информации, с одной стороны, и государственным суверенитетом – с другой [Damon 1986; Knuth 1999]. Второй этап (кон. XX – первое десятилетие XXI вв.) связан с возникновением феномена Интернета и дискуссией о собственно «цифровом суверенитете» как праве и фактической способности национальных государств контролировать процессы информационного обмена через систему Интернет (см., например: [Price 2002; Gong 2005; Powers 2014]). Наконец, третий этап, который начинается в настоящее время и связан с развитием технологий искусственного интеллекта, облачных вычислений и больших данных, открывающих беспрецедентные возможности для трансграничного социального

управления, с одной стороны, и государственного контроля за поведением граждан, с другой. Доступ к данным и возможности их обработки становятся новым аспектом дискуссии о цифровом суверенитете (в связи с этим даже появился новый термин – «суверенитет данных») [De Filippi, McCarthy 2012; Irion 2012].

Дискуссия о цифровом (и шире – информационном) суверенитете протекает в двух взаимосвязанных плоскостях.

С одной стороны, это классическая нормативная дискуссия о соотношении свободы и безопасности в новых условиях цифрового мира, где противникам государственного вмешательства в свободу информационных обменов (см. например, [Coles-Kemp, Ashenden, O'Hara 2018; Karim, Bonhi, Afroze 2019]) противостоят сторонники цифрового суверенитета национальных государств; необходимость цифрового суверенитета при этом обосновывается через концепт широко понимаемой кибербезопасности (см. например, [Zeng, Stevens, Chen 2017]). Снятие указанного противоречия многим участникам дискуссии видится в создании механизмов международного правового регулирования киберпространства [Mueller, Mathiason, Klein 2007; Weber 2010], а также на путях наращивания степени доверия (социального капитала) между участниками цифровых информационных обменов и государственными институтами [Havu 2017].

С другой стороны, дискуссия о цифровом суверенитете можно рассматривать как продолжение дискуссии о когнитивном капитализме versus цифровом колониализме, в рамках которой сторонники наращивания цифрового суверенитета утверждают, что цифровая открытость – это инструмент доминирования развитых стран над развивающимися, в то время как их оппо-

ненты рассматривают цифровой суверенитет как инструмент нового авторитаризма.

Контексты двух обозначенных выше дискуссий важны для понимания связи между различными моделями трансформации системы международных отношений и выбором модели цифровой трансформации на национальном уровне.

Сдвиг в область однополярного мирового порядка с доминированием коллективного Запада будет, скорее, способствовать реализации модели когнитивного капитализма в качестве базисной с дополнением ее моделью цифрового колониализма в отношении периферии капиталистической экономики.

Напротив, формирование многополярного мирового порядка и нарастание межгосударственной конфликтности будет способствовать усилению цифрового суверенитета национальных государств и/или межгосударственных объединений и формированию более закрытых политико-экономических моделей вплоть до модели цифрового тоталитаризма. Крупные международные игроки, стремящиеся выиграть гонку за лидерство и удержать границы собственных политических систем, в рамках данного сценария вынуждены будут идти по пути усиления цифрового суверенитета в части поддержания инфраструктуры цифровых коммуникаций, формирования границ в Интернете и повышения уровня контроля за коммуникацией и поведением граждан в Сети.

Наличие в рамках национально-государства мегаполисов, втянутых в глобальную кооперацию (так называемый ворот в глобальный мир), также может быть фактором выбора модели. Связь когнитивного капитализма с развитием мегаполисов очевидно повышает значимость данной модели для

обществ, в экономико-географической структуре которых такие мегаполисы присутствуют.

Экономика совместного производства и потребления в той или иной мере в ближайшей перспективе будет дополнительным компонентом цифровой экономики, порождая в то же время важный политический эффект горизонтальной цифровой кооперации граждан, что может быть значимой предпосылкой для роста гражданского участия, образования новых политических движений и политического протеста.

Политико-экономические модели цифровой экономики: сравнительный анализ

Сравнительный анализ показывает, что три политико-экономические модели в идеально-типической манере фиксируют противоречивые тенденции развития общества в условиях его перехода на стадию цифровой экономики.

Альтернативные тренды, зафиксированные этими моделями, парадоксальным образом напоминают классические «аналоговые» модели политической организации: тиранию, олигархию и демократию. Это позволяет сформулировать предположение о том, что сама по себе цифровая экономика не трансформирует принципиальным образом фундаментальные модели политической организации, известные человечеству, а, скорее, создает противоречивые тренды, способствующие реализации той или иной фундаментальной модели в новых «цифровых» условиях. Ключевым здесь становится фактор влияния властных отношений на форму, направление и результаты использования цифровых технологий [Spencer 2017].

Таблица 1. Сравнение трех политико-экономических моделей цифровой экономики по нескольким измерениям

Table 1. Comparison of Three Political and Economic Models of the Digital Economy in Several Dimensions

	Когнитивный капитализм	Экономика совместного производства и потребления	Цифровой тоталитаризм
Система международных отношений	Глобализация (глобальная сеть мегаполисов вместо системы национальных государств). Цифровой колониализм	Глокализация (мировая цифровая деревня)	Сохранение системы национальных государств. Цифровой суверенитет
Ключевые политические акторы	Глобальные цифровые корпорации и новые медиа, креативный класс	Цифровые политические движения и общины	Государства и их политические элиты
Идеологические доминанты	Неолиберализм	Экологизм (устойчивое развитие)	Этатизм
Социальное равенство/ неравенство	Растет и приобретает новые формы	Снижается	
Политическое равенство/ неравенство		Снижается	Растет
Политический режим	Конкурентная олигархия	Партисипаторная демократия	Тоталитаризм

Используя известный тезис Г. Алмонда о смешанном характере любых реальных политических систем, можно предположить, что в действительности современным обществам придется не выбирать между чистыми моделями, а создавать сообразные обстоятельства своего существования гибриды предложенных моделей.

Список литературы

Горц А. (2007) Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. № 4(61). С. 5–63.

Ефремов А.А. (2017) Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215

Коулман С. (2018) Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Алетейя.

Манойло А.В. (2008) Модель информационно-психологической операции в международных конфликтах // Право и политика. № 6. С. 1387–1394 // <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-informatsionno-psihologicheskogo-upravleniya-mezhdunarodnymi-konfliktami/viewer>, дата обращения 20.05.2020.

Матвеев И.А. (2012) Электронная экономика: сущность и этапы развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 6(42). С. 1–11 // <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-ekonomika-suschnost-i-etapy-razvitiya/viewer>, дата обращения 20.05.2020.

Польре Б. (2008) Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. № 2(179). С. 66–72.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п // <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

34th Annual CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (2016), CHI EA. 7–12 May 2016.

A Digital Single Market Strategy for Europe (2015) // European Commission // <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/content/european-digital-strategy>, дата обращения 20.05.2020.

Alizadeh T., Farid R. (2017) Political Economy of Telecommunication Infrastructure: An Investigation of the National Broadband Network Early Rollout and Pork Barrel Politics in Australia // *Telecommunications Policy*, vol. 41, no 4, pp. 242–252. DOI: 10.1016/j.telpol.2017.02.002

Bauwens M. (2005) The Political Economy of Peer Production // *Ctheory.net*, December 1, 2005 // http://ctheory.net/ctheory_wp/the-political-economy-of-peer-production/, дата обращения 20.05.2020.

Bennett W.L. (2012) The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 644, no 1, pp. 20–39. DOI: 10.1177/0002716212451428

Bergquist M., Ljungberg J. (2001) The Power of Gifts: Organizing Social Relationships in Open Source Communities // *Information Systems Journal*, vol. 11, no 4, pp. 305–320. DOI: 10.1046/j.1365-2575.2001.00111.x

Coglianese C., Lehr D. (2017) Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-learning Era // *Georgetown Law Journal*, vol. 105, no 5, pp. 1147–1223 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2928293, дата обращения 20.05.2020.

Coles-Kemp L., Ashenden D., O'Hara K. (2018) Why Should I? Cybersecurity, the Security of the State and the Insecurity of the Citizen // *Politics and Governance*, vol. 6, no 2, pp. 41–48. DOI: 10.17645/pag.v6i2.1333

Couldry N., Mejias U.A. (2018) Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject // *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632

Cowan R., David P.A., Foray D. (2000) The Explicit Economics of Knowledge Codification and Tacitness // *Industrial and Corporate Change*, vol. 9, no 2, pp. 211–253. DOI: 10.1093/icc/9.2.211

Criado J.I., Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J.R. (2013) Government Innovation through Social Media // *Government Information Quarterly*, vol. 30, no 4, pp. 319–326. DOI: 10.1016/j.giq.2013.10.003

Damon L. (1986) Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems // *Fordham International Law Journal*, vol. 10, no 2, pp. 262–287 // <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1141&context=ilj>, дата обращения 20.05.2020.

Datta A. (2018) The Digital Turn in Postcolonial Urbanism: Smart Citizenship in the Making of India's 100 Smart Cities // *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 43, no 3, pp. 405–419. DOI: 10.1111/tran.12225

De Filippi P., McCarthy S. (2012) Cloud Computing: Centralization and Data Sovereignty // *European Journal of Law and Technology*, vol. 3, no 2, pp. 1–21 // <http://ejlt.org/article/view/101/234>, дата обращения 20.05.2020.

Forest B. (2004) Information Sovereignty and GIS: The Evolution of “Communities of Interest” in Political Redistricting // *Political Geography*, vol. 23, no 4, pp. 425–451. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.010

Fung A. (2015) Putting the Public Back into Governance: The Challenges of Citi-

zen Participation and Its Future // *Public Administration Review*, vol. 75, no 4, pp. 513–522. DOI: 10.1111/puar.12361

Gilman H.R. (2016) *Democracy Reinvented: Participatory Budgeting and Civic Innovation in America, USA*: New America and Harvard's Ash Center for Democratic Innovation and Governance.

Giraud E. (2015) Subjectivity 2.0: Digital Technologies, Participatory Media and Communicative Capitalism // *Subjectivity*, vol. 8, no 2, pp. 124–146. DOI: 10.1057/sub.2015.5

Gong W. (2005) Information Sovereignty Reviewed // *Intercultural Communication Studies*, vol. 14, no 1, pp. 119–135 // <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.465.6373&rep=rep1&type=pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2016) The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 67, no 9, pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552

Hanna P., Vanclay F., Langdon E.J., Arts J. (2016) Conceptualizing Social Protest and the Significance of Protest Actions to Large Projects // *Extractive Industries and Society*, vol. 3, no 1, pp. 217–239. DOI: 10.1016/j.exis.2015.10.006

Havu K. (2017) The EU Digital Single Market from a Consumer Standpoint: How Do Promises Meet Means? // *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, vol. 9, no 2, pp. 146–183. DOI: 10.22381/CRLSJ9220179

Helbing D. (2018) Digital Fascism Rising? // *Towards Digital Enlightenment: Essay on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution* (ed. Helbing D.), Zurich: CLU 1, ETH Zurich, pp. 99–102.

Herrera L. (2015) Citizenship under Surveillance: Dealing with the Digital Age // *International Journal of Middle East Studies*, vol. 47, no 2, pp. 354–356. DOI: 10.1017/S0020743815000100

Hindman M. (2008) *The Myth of Digital Democracy*, Princeton: Princeton University Press.

Irion K. (2012) Government Cloud Computing and National Data Sovereignty // *Policy and Internet*, vol. 4, no 3–4, pp. 40–71. DOI: 10.1002/poi3.10

Ismagilova E., Hughes L., Dwivedi Y.K., Raman K.R. (2019) Smart Cities: Advances in Research – An Information Systems Perspective // *International Journal of Information Management*, vol. 47, pp. 88–100. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.004

Janowski T. (2015) Digital Government Evolution: From Transformation to Contextualization // *Government Information Quarterly*, vol. 32, no 3, pp. 221–236. DOI: 10.1016/j.giq.2015.07.001

Jordana J. (2017) Transgovernmental Networks as Regulatory Intermediaries: Horizontal Collaboration and the Realities of Soft Power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 670, no 1, pp. 245–262. DOI: 10.1177/0002716217694591

Kamolov S.G. (2017) Digital Public Governance: Trends and Risks // *Giornale di Storia Costituzionale*, vol. 33, no 1, pp. 185–194.

Karim R., Bonhi T.C., Afroze R. (2019) Governance of Cyberspace: Personal Liberty vs. National Security // *International Journal of Scientific and Technology Research*, vol. 8, no 11, pp. 2636–2641 // <https://www.ijstr.org/final-print/nov2019/Governance-Of-Cyberspace-Personal-Liberty-Vs-National-Security.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Keane J. (2013) *Democracy and Media Decadence*, Cambridge: Cambridge University Press.

Kim S., Lee J. (2012) E-Participation, Transparency, and Trust in Local Government // *Public Administration Review*, vol. 72, no 6, pp. 819–828. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2012.02593.x

Klusterman R.C. (2010) This Is not America: Embedding the Cognitive-

- cultural Urban Economy // *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 92, no 2, pp. 131–143. DOI: 10.1111/j.1468-0467.2010.00338.x
- Knuth R. (1999) Sovereignty, Globalism, and Information Flow in Complex Emergencies // *Information Society*, vol. 15, no 1, pp. 11–19. DOI: 10.1080/019722499128637
- Kostakis V. (2012) The Political Economy of Information Production in the Social Web: Chances for Reflection on Our Institutional Design // *Contemporary Social Science*, vol. 7, no 3, pp. 305–319. DOI: 10.1080/21582041.2012.691988
- Kostakis V., Roos A., Bauwens M. (2016) Towards a Political Ecology of the Digital Economy: Socio-environmental Implications of Two Competing Value Models // *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 18, pp. 82–100. DOI: 10.1016/j.eist.2015.08.002
- Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // *Race and Class*, vol. 60, no 4, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172
- Lee C.-P., Chang K., Berry F.S. (2011) Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective // *Public Administration Review*, vol. 71, no 3, pp. 444–454. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x
- Loader B.D., Mercea D. (2011) Introduction Networking Democracy? Social Media Innovations and Participatory Politics // *Information Communication and Society*, vol. 14, no 6, pp. 757–769. DOI: 10.1080/1369118X.2011.592648
- Mahmoudi D., Levenda A. (2016) Beyond the Screen: Uneven Geographies, Digital Labor, and the City of Cognitive-cultural Capitalism // *TripleC*, vol.14, no 1, pp. 99–220 // https://pdxscholar.library.pdx.edu/usp_fac/155/, дата обращения 20.05.2020.
- Mann M., Daly A. (2019) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism // *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 379–395. DOI: 10.1177/1527476418806091
- Martin C.J. (2016) The Sharing Economy: A Pathway to Sustainability or a Nightmarish Form of Neoliberal Capitalism? // *Ecological Economics*, vol. 121, pp. 149–159. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2015.11.027
- Mueller M., Mathiason J., Klein H. (2007) The Internet and Global Governance: Principles and Norms for a New Regime // *Global Governance*, vol. 13, no 2, pp. 237–254. DOI: 10.1163/19426720-01302007
- Nechushtai E. (2018) Could Digital Platform Capture the Media through Infrastructure // *Journalism*, vol. 19, no 8, pp. 1043–1058. DOI: 10.1177/1464884917725163
- Negroponte N. (1999) *Being Digital*, New York: Knopf.
- OECD Digital Economy Outlook 2015 (2015), Paris: OECD Publishing.
- Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. (2018) Smart Governance in the Context of Smart Cities: A Literature Review // *Information Polity*, vol. 23, no 2, pp. 143–162. DOI: 10.3233/IP-170067
- Powers S. (2014) Towards Information Sovereignty // *Beyond NETmundial: The Roadmap for Institutional Improvements to the Global Internet Governance Ecosystem*, Philadelphia: Center for Global Communication Studies, pp. 90–99.
- Price M. (2002) *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rabari Ch., Storper M. (2015) The Digital Skin of Cities: Urban Theory and Research in the Age of the Sensored and Metered City, Ubiquitous Computing and Big Data // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no 1, pp. 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021
- Richardson L. (2015) Performing the Sharing Economy // *Geoforum*, vol. 67, pp. 121–129. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.11.004

Scott A.J. (2008) *Social Economy of Metropolis: Cognitive-Cultural Capitalism and the Global Resurgence of Cities*, Oxford: Oxford University Press.

Scott A., Peters M.A. (2013) *Cognitive-Cultural Production, Digital Labor and the New Frontiers of Knowledge* // *Knowledge Cultures*, vol. 1, no 4, pp. 167–178 // https://www.researchgate.net/publication/281502483_Cognitive-Cultural_Production_Digital_Labour_And_The_New_Frontiers_Of_Knowledge_A_Conversation_With_Allen_J_Scott, дата обращения 20.05.2020.

Seely P. (2016) *Envision the Digital Sustainability Panopticon: A Thought Experiment of How Big Data May Help Advancing Sustainability in the Digital Age* // *Sustainability Science*, vol. 11, no 5, pp. 845–854. DOI: 10.1007/s11625-016-0381-5

Spencer D. (2017) *Work in and beyond the Second Machine Age: The Politics of Production and Digital Technologies* // *Work, Employment and Society*, vol. 31, no 1, pp. 142–152. DOI: 10.1177/0950017016645716

Taylor L. (2017) *What Is Data Justice? The Case for Connecting Digital Rights and Freedoms Globally* // *Big Data and Society*, vol. 4, no 2, pp. 1–14. DOI: 10.1177/2053951717736335

Thatcher J., O'Sullivan D., Mahmoudi D. (2016) *Data Colonialism*

through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data // *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 6, pp. 990–1006. DOI: 10.1177/0263775816633195

Turner G. (2010) *Ordinary People and the Media: The Demotic Turn*, London: Sage.

Weber R.H. (2010) *Internet of Things – New Security and Privacy Challenges* // *Computer Law and Security Review*, vol. 26, no 1, pp. 23–30. DOI: 10.1016/j.clsr.2009.11.008

West D.M. (2005) *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*, Princeton: Princeton University Press.

Wolfson T. (2014) *Digital Rebellion: The Birth of the Cyber Left*, Urbana, IL: University of Illinois Press.

Youmans W.L., York, J.C. (2012) *Social Media and the Activist Toolkit: User Agreements, Corporate Interests, and the Information Infrastructure of Modern Social Movements* // *Journal of Communication*, vol. 62, no 2, pp. 315–329. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01636.x

Zeng J., Stevens T., Chen Y. (2017) *China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of "Internet Sovereignty"* // *Politics and Policy*, vol. 45, no 3, pp. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies

Vladimir D. NECHAEV

DSc in Politics, Assistant Professor, Vice President of the Russian Association of Political Science, Rector

Sevastopol State University, 299053, Universitetskaya St., 33, Sevastopol, Russian Federation

E-mail: vdnechaev@sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-0429-4299

Sergey Yu. BELOKONEV

PhD in Politics, Assistant Professor, Director of the Department of Politics and Mass Communication

Financial University under the Government of the Russian Federation, 129053, Leningradsky Av., 49, Moscow, Russian Federation

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ORCID: 0000-0002-8028-7421

CITATION: Nechaev V.D., Belokonev S.Yu. (2020) Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 112–133 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Received: 30.11.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared as part of the RFBR project no 19-011-31545 opn: “New models of interaction between the government and the industrial community in the face of increasing risks of technological development under the influence of international sanctions”.

ABSTRACT. *The article is devoted to a theoretical analysis of the possible consequences of the digital transformation of modern societies. The authors carry out a comparative analysis of three political and economic models of digital transformation: the cognitive capitalism model, sharing economy (the peer production economy) model and the digital totalitarianism model. It is concluded that these theoretical models reflect conflicting trends in the development of society at the stage of digital transformation. The authors suggest that in reality a wide range of mixed political and economic*

models of a digital society will emerge, each of which will include a particular combination of analyzed ideal types. The implementation of this or that model will depend on a group of factors, including: the national structure of the economy, the system of international relations, the territorial structure of urbanization and the ability (political, economic and technological) of a particular national state to maintain its sovereignty in the digital world.

KEY WORDS: *digital economy, global trends of political development, cognitive*

capitalism, peer production economy, digital totalitarianism, digital colonialism, digital sovereignty

References

34th Annual CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (2016), CHI EA. 7–12 May 2016.

A Digital Single Market Strategy for Europe (2015). *European Commission*. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/content/european-digital-strategy>, accessed 20.05.2020.

Alizadeh T., Farid R. (2017) Political Economy of Telecommunication Infrastructure: An Investigation of the National Broadband Network Early Rollout and Pork Barrel Politics in Australia. *Telecommunications Policy*, vol. 41, no 4, pp. 242–252. DOI: 10.1016/j.telpol.2017.02.002

Bauwens M. (2005) The Political Economy of Peer Production. *Ctheory.net*, December 1, 2005. Available at: http://ctheory.net/ctheory_wp/the-political-economy-of-peer-production/, accessed 20.05.2020.

Bennett W.L. (2012) The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 644, no 1, pp. 20–39. DOI: 10.1177/0002716212451428

Bergquist M., Ljungberg J. (2001) The Power of Gifts: Organizing Social Relationships in Open Source Communities. *Information Systems Journal*, vol. 11, no 4, pp. 305–320. DOI: 10.1046/j.1365-2575.2001.00111.x

Coglianese C., Lehr D. (2017) Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-learning Era. *Georgetown Law Journal*, vol. 105, no 5, pp. 1147–1223. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2928293, accessed 20.05.2020.

Coles-Kemp L., Ashenden D., O'Hara K. (2018) Why Should I? Cybersecuri-

ty, the Security of the State and the Insecurity of the Citizen. *Politics and Governance*, vol. 6, no 2, pp. 41–48. DOI: 10.17645/pag.v6i2.1333

Coleman S. (2018) *Can the Internet Strengthen Democracy?* Saint Petersburg: Aletheya (in Russian).

Couldry N., Mejias U.A. (2018) Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject. *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632

Cowan R., David P.A., Foray D. (2000) The Explicit Economics of Knowledge Codification and Tacitness. *Industrial and Corporate Change*, vol. 9, no 2, pp. 211–253. DOI: 10.1093/icc/9.2.211

Criado J.I., Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J.R. (2013) Government Innovation through Social Media. *Government Information Quarterly*, vol. 30, no 4, pp. 319–326. DOI: 10.1016/j.giq.2013.10.003

Damon L. (1986) Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems. *Fordham International Law Journal*, vol. 10, no 2, pp. 262–287. Available at: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/view-content.cgi?article=1141&context=ilj>, accessed 20.05.2020.

Datta A. (2018) The Digital Turn in Postcolonial Urbanism: Smart Citizenship in the Making of India's 100 Smart Cities. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 43, no 3, pp. 405–419. DOI: 10.1111/tran.12225

De Filippi P., McCarthy S. (2012) Cloud Computing: Centralization and Data Sovereignty. *European Journal of Law and Technology*, vol. 3, no 2, pp. 1–21. Available at: <http://ejlt.org/article/view/101/234>, accessed 20.05.2020.

Efremov A.A. (2017) Formation of the Concept of State Information Sovereignty. *Law Journal of the Higher School of Economics*, no 1, pp. 201–215 (in Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215

- Forest B. (2004) Information Sovereignty and GIS: The Evolution of “Communities of Interest” in Political Redistricting. *Political Geography*, vol. 23, no 4, pp. 425–451. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.010
- Fung A. (2015) Putting the Public Back into Governance: The Challenges of Citizen Participation and Its Future. *Public Administration Review*, vol. 75, no 4, pp. 513–522. DOI: 10.1111/puar.12361
- Gilman H.R. (2016) *Democracy Reinvented: Participatory Budgeting and Civic Innovation in America*, USA: New America and Harvard’s Ash Center for Democratic Innovation and Governance.
- Giraud E. (2015) Subjectivity 2.0: Digital Technologies, Participatory Media and Communicative Capitalism. *Subjectivity*, vol. 8, no 2, pp. 124–146. DOI: 10.1057/sub.2015.5
- Gong W. (2005) Information Sovereignty Reviewed. *Intercultural Communication Studies*, vol. 14, no 1, pp. 119–135. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.465.6373&rep=rep1&type=pdf>, accessed 20.05.2020.
- Goetz A. (2007) Knowledge, Value and Capital. To the Criticism of the Knowledge Economy. *Logos*, no 4(61), pp. 5–63 (in Russian).
- Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2016) The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 67, no 9, pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552
- Hanna P., Vanclay F., Langdon E.J., Arts J. (2016) Conceptualizing Social Protest and the Significance of Protest Actions to Large Projects. *Extractive Industries and Society*, vol. 3, no 1, pp. 217–239. DOI: 10.1016/j.exis.2015.10.006
- Havu K. (2017) The EU Digital Single Market from a Consumer Standpoint: How Do Promises Meet Means? *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, vol. 9, no 2, pp. 146–183. DOI: 10.22381/CRLSJ9220179
- Helbing D. (2018) Digital Fascism Rising? *Towards Digital Enlightenment: Essay on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution* (ed. Helbing D.), Zurich: CLU 1, ETH Zurich, pp. 99–102.
- Herrera L. (2015) Citizenship under Surveillance: Dealing with the Digital Age. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 47, no 2, pp. 354–356. DOI: 10.1017/S0020743815000100
- Hindman M. (2008) *The Myth of Digital Democracy*, Princeton: Princeton University Press.
- Irion K. (2012) Government Cloud Computing and National Data Sovereignty. *Policy and Internet*, vol. 4, no 3–4, pp. 40–71. DOI: 10.1002/poi.3.10
- Ismagilova E., Hughes L., Dwivedi Y.K., Raman K.R. (2019) Smart Cities: Advances in Research – An Information Systems Perspective. *International Journal of Information Management*, vol. 47, pp. 88–100. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.004
- Janowski T. (2015) Digital Government Evolution: From Transformation to Contextualization. *Government Information Quarterly*, vol. 32, no 3, pp. 221–236. DOI: 10.1016/j.giq.2015.07.001
- Jordana J. (2017) Transgovernmental Networks as Regulatory Intermediaries: Horizontal Collaboration and the Realities of Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 670, no 1, pp. 245–262. DOI: 10.1177/0002716217694591
- Kamolov S.G. (2017) Digital Public Governance: Trends and Risks. *Giornale di Storia Costituzionale*, vol. 33, no 1, pp. 185–194.
- Karim R., Bonhi T.C., Afroze R. (2019) Governance of Cyberspace: Personal Liberty vs. National Security. *International Journal of Scientific and Technology Research*, vol. 8, no 11, pp. 2636–2641. Available at: <https://www.ijstr.org/final-print/nov2019/Governance-Of-Cyberspace-Personal-Liberty-Vs-National-Security.pdf>, accessed 20.05.2020.

Keane J. (2013) *Democracy and Media Decadence*, Cambridge: Cambridge University Press.

Kim S., Lee J. (2012) E-Participation, Transparency, and Trust in Local Government. *Public Administration Review*, vol. 72, no 6, pp. 819–828. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2012.02593.x

Klusterman R.C. (2010) This Is not America: Embedding the Cognitive-cultural Urban Economy. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 92, no 2, pp. 131–143. DOI: 10.1111/j.1468-0467.2010.00338.x

Knuth R. (1999) Sovereignty, Globalism, and Information Flow in Complex Emergencies. *Information Society*, vol. 15, no 1, pp. 11–19. DOI: 10.1080/019722499128637

Kostakis V. (2012) The Political Economy of Information Production in the Social Web: Chances for Reflection on Our Institutional Design. *Contemporary Social Science*, vol. 7, no 3, pp. 305–319. DOI: 10.1080/21582041.2012.691988

Kostakis V., Roos A., Bauwens M. (2016) Towards a Political Ecology of the Digital Economy: Socio-environmental Implications of Two Competing Value Models. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 18, pp. 82–100. DOI: 10.1016/j.eist.2015.08.002

Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race and Class*, vol. 60, no 4, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172

Lee C.-P., Chang K., Berry F.S. (2011) Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective. *Public Administration Review*, vol. 71, no 3, pp. 444–454. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x

Loader B.D., Mercea D. (2011) Introduction Networking Democracy? Social Media Innovations and Participatory Politics. *Information Communication and Society*, vol. 14, no 6, pp. 757–769. DOI: 10.1080/1369118X.2011.592648

Mahmoudi D., Levenda A. (2016) Beyond the Screen: Uneven Geographies, Digital Labor, and the City of Cognitive-cultural Capitalism. *TripleC*, vol. 14, no 1, pp. 99–220. Available at: https://pdxscholar.library.pdx.edu/usp_fac/155/, accessed 20.05.2020.

Mann M., Daly A. (2019) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism. *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 379–395. DOI: 10.1177/1527476418806091

Manoylo A.V. (2008) The Model of Information-psychological Operation in International Conflicts. *Low and Politics*, no 6, pp. 1387–1394. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-informatsionno-psihologicheskogo-upravleniya-mezhdunarodnymi-konfliktami/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Martin C.J. (2016) The Sharing Economy: A Pathway to Sustainability or a Nightmarish Form of Neoliberal Capitalism? *Ecological Economics*, vol. 121, pp. 149–159. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2015.11.027

Matveev I.A. (2012) Electronic Economy: Essence and Stages of Development. *Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*, no 6(42), pp. 1–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-ekonomika-suschnost-i-etapy-razvitiya/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Mueller M., Mathiason J., Klein H. (2007) The Internet and Global Governance: Principles and Norms for a New Regime. *Global Governance*, vol. 13, no 2, pp. 237–254. DOI: 10.1163/19426720-01302007

Nechushtai E. (2018) Could Digital Platform Capture the Media through Infrastructure. *Journalism*, vol. 19, no 8, pp. 1043–1058. DOI: 10.1177/1464884917725163

Negroponte N. (1999) *Being Digital*, New York: Knopf.

OECD *Digital Economy Outlook 2015* (2015), Paris: OECD Publishing.

Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. (2018) Smart Governance in the Context of Smart Cities: A Literature

Review. *Information Polity*, vol. 23, no 2, pp. 143–162. DOI: 10.3233/IP-170067

Polre B. (2008) Cognitive Capitalism on the March. *Political Journal*, no 2(179), pp. 66–72 (in Russian).

Powers S. (2014) Towards Information Sovereignty. *Beyond NETmundial: The Roadmap for Institutional Improvements to the Global Internet Governance Ecosystem*, Philadelphia: Center for Global Communication Studies, pp. 90–99.

Price M. (2002) *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power*, Cambridge: Cambridge University Press.

Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017. No. 1632-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Rabari Ch., Storper M. (2015) The Digital Skin of Cities: Urban Theory and Research in the Age of the Sensored and Metered City, Ubiquitous Computing and Big Data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no 1, pp. 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021

Richardson L. (2015) Performing the Sharing Economy. *Geoforum*, vol. 67, pp. 121–129. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.11.004

Scott A.J. (2008) *Social Economy of Metropolis: Cognitive-Cultural Capitalism and the Global Resurgence of Cities*, Oxford: Oxford University Press.

Scott A., Peters M.A. (2013) Cognitive-Cultural Production, Digital Labor and the New Frontiers of Knowledge. *Knowledge Cultures*, vol. 1, no 4, pp. 167–178. Available at: https://www.researchgate.net/publication/281502483_Cognitive-Cultural_Production_Digital_Labour_And_The_New_Frontiers_Of_Knowledge_A_Conversation_With_Allen_J_Scott, accessed 20.05.2020.

Seely P. (2016) Envision the Digital Sustainability Panopticon: A Thought Experi-

ment of How Big Data May Help Advancing Sustainability in the Digital Age. *Sustainability Science*, vol. 11, no 5, pp. 845–854. DOI: 10.1007/s11625-016-0381-5

Spencer D. (2017) Work in and beyond the Second Machine Age: The Politics of Production and Digital Technologies. *Work, Employment and Society*, vol. 31, no 1, pp. 142–152. DOI: 10.1177/0950017016645716

Taylor L. (2017) What Is Data Justice? The Case for Connecting Digital Rights and Freedoms Globally. *Big Data and Society*, vol. 4, no 2, pp. 1–14. DOI: 10.1177/2053951717736335

Thatcher J., O’Sullivan D., Mahmoudi D. (2016) Data Colonialism through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 6, pp. 990–1006. DOI: 10.1177/02637758166633195

Turner G. (2010) *Ordinary People and the Media: The Demotic Turn*, London: Sage.

Weber R.H. (2010) Internet of Things – New Security and Privacy Challenges. *Computer Law and Security Review*, vol. 26, no 1, pp. 23–30. DOI: 10.1016/j.clsr.2009.11.008

West D.M. (2005) *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*, Princeton: Princeton University Press.

Wolfson T. (2014) *Digital Rebellion: The Birth of the Cyber Left*, Urbana, IL: University of Illinois Press.

Youmans W.L., York, J.C. (2012) Social Media and the Activist Toolkit: User Agreements, Corporate Interests, and the Information Infrastructure of Modern Social Movements. *Journal of Communication*, vol. 62, no 2, pp. 315–329. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01636.x

Zeng J., Stevens T., Chen Y. (2017) China’s Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of “Internet Sovereignty”. *Politics and Policy*, vol. 45, no 3, pp. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202